

ЛИТЕРАТУРА В ТЕОРИИ И ДИСКУССИОННОМ ОСМЫСЛЕНИИ

УДК 82.02

Матвеева Марина Станиславовна

Писатель, литературный критик, публицист,
член Союза писателей России;

Российская Федерация, Симферополь, e-mail: marinagenius@mail.ru

ВИЗУАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ — БИОЛОГИЧЕСКИЙ ВИД ТВОРЧЕСТВА (статья вторая).

«ЭПИЧЕСКАЯ СИЛА» КАК ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА В АВАНГАРДНОЙ ПОЭЗИИ

В данной статье автором вычленяется, называется и психологически обосновывается поэтический приём (инструмент), присущий современной авангардной поэзии — той её части, что создаётся авторами с так называемым «эпическим мышлением». Их произведения отличаются от традиционной поэтической лирики тем, что имеют сюжетную, концептуальную, философскую основу, как в явном, так и в скрытом виде (стихотворение может как иметь, так не иметь сюжета как такового, однако обладать отсылками (вплоть до полной переработки) к сюжетам и концептам мифологий разных народов, истории, мировой литературы и культуры; к информации из различных наук и сфер человеческой деятельности; аллюзии, реминисценции и т. п.). Формально же авторы подобной поэзии могут использовать метареалистическую, трансметафорическую, окказиональную, одним словом, усложнённую образность, понятную далеко не всем читателям.

В целом это составляет особую систему, инструментарий, характерный для творчества большого ряда современных поэтов, в том числе поэтов-авангардистов Крыма.

Ключевые слова: авангардная поэзия, эпическое мышление, «проэзия», мифология.

Marina S. Matveyeva

Writer, literary critic, publicist,
Member of the Writers' Union of Russia;
Russian Federation, Simferopol

**VISUAL POETRY — BIOLOGICAL VIEW OF CREATIVITY (Article second).
«EPIC MIGHT » AS A TOOL FOR CREATING AN IMAGE IN AVANT-GARDE
POETRY**

The author of this article names, defines and psychologically grounds is poetic technique (tool) belonging to modern avant-garde poetry. It is discussed the part of poetry that is created by the authors with the so-called «Epic thinking». Their approaches are different from traditional poetic lyricism because they have storyline, conceptual and philosophical basis, both explicitly and in a hidden form (a poem can either have or not have a plot as such, but have references (up to complete processing) to the plots and concepts of the mythologies of different peoples, history, world literature and culture, to information from various sciences and spheres of human activity, allusions, reminiscences, etc.). Formally, the authors of such poetry can use metarealistic, transmetaphoric, occasional, in a word, complicated imagery, which is far from being understood by all readers. In general, a special system is created, a toolkit characteristic of the work of a large number of modern poets, including poets avant-gardists of the Crimea.

Key words: avant-garde poetry, epic thinking, «Proetry» (prose-poetry), mythology.

Для цитирования:

Матвеева, М. С. Визуальная поэзия — биологический вид творчества (статья вторая). «Эпическая сила» как инструмент создания образа в авангардной поэзии // Гуманитарная парадигма. 2019. № 1 (8). С. 141–151.

В последнее время современные поэты — хоть сколько-нибудь интеллектуального плана — начали масштабно подвергаться резкой критике в духе: «Я тебя не понимаю, значит, ты плохой поэт!». Данное явление можно заметить не только в провинциально-литературных «светских» кругах (хотя здесь — намного чаще), но и в столице, например, мнение московских критиков относительно некоторых участников телевизионной программы «Вечерние стихи» (проект газеты «Вечерняя Москва» и национального литературного портала Стихи.ру, Москва).

Явление вполне объяснимое. Нынешний мир, переживающий потрясения и находящийся в кризисе, начал требовать ясности. Перегруженность информацией заставляет мозг отказываться от «дополнительного думания», воспринимающегося как излишнее, поскольку

не имеет практической ценности (никак не помогает бороться с кризисом). Насчёт общего падения уровня образования говорить не будем, как и о приоритете потребительских ценностей. Ничего не скажем здесь и об отличии академического подхода критиков-литературоведов, по совместительству являющихся учёными-филологами, от подхода творческого — в том числе к языку. Кроме того, русский язык не является собственностью никого из представителей учёного сообщества или школьного учителя, а значит, у них нет никакого права, равно и обязанности, заниматься его «сохранением», «чистотой», «спасением» и «защитой». В частности, от поэтов-новаторов, ибо... кроме них, в общем-то, и защищать его не от кого: «гопники» в филологических кругах не водятся, жаргон не звучит. А ведь и филологам нужно как-то реализовывать чувство собственной социальной значимости, благого дела, общечеловеческой ценности их труда и знаний. Вот, начиная с древнейших веков, и «борются за чистоту языка».

А русский язык при этом всегда жил и развивался по своим законам. В том числе, наполнением бассейна этой многоводной реки занимались малые, но бурные притоки — писатели с их уникальными «языками». Не только авторские окказионализмы (словотворчество), но и авторский аграмматизм — изумительные по силе художественного воздействия ошибки грамматического строя, фонетики, орфоэпии, пунктуации и даже орфографии. Ошибки могут быть неосознанными (как у Гоголя, которого всю жизнь донимали критики, но тем не менее он ни разу не изменил своему праву писать «на своем языке»), осознанными (Александр Блок: «Все мои ошибки сознательны — это то, чем я не могу пожертвовать в стихе» [цит. по: 7]) и гиперосознанными (поэтический стиль «аграмматизм» — созданный именно на ошибках как приёме, с целью обратить внимание читателя посредством неправильности на тот или иной наиважнейший момент текста, раскрыть его глубину, второй смысл, нетривиальность подхода, а также — абсурдность мира, многомерность бытия и многие другое) [7]. Всё это в литературе есть (а значит, есть в живом русском языке), отрицать это на одном лишь «Я тебя не понимаю» без какой-либо аргументации — считаю неприемлемым. Могу понять причины такого отношения со стороны читателей. Но если в «странно» построенной фразе, в сложном образе литературовед или другой поэт способны увидеть только неправильность, только «так не пишут, это не по-русски» — и ничего больше, то, возможно, это просто не литературовед и не поэт.

Сложно стало в поэзии ещё и потому, что её много, слишком много, и поэт уже перестал понимать, как «пробить» своего читателя, ибо того и без поэзии «пробило» так, что он данного процесса над собой уже явно не хочет. Пронзительные (до степени бестактности и жестокости) тексты пока ещё воздействуют на публику, критиков и т. п. Поэт, который пишет так, что его ещё

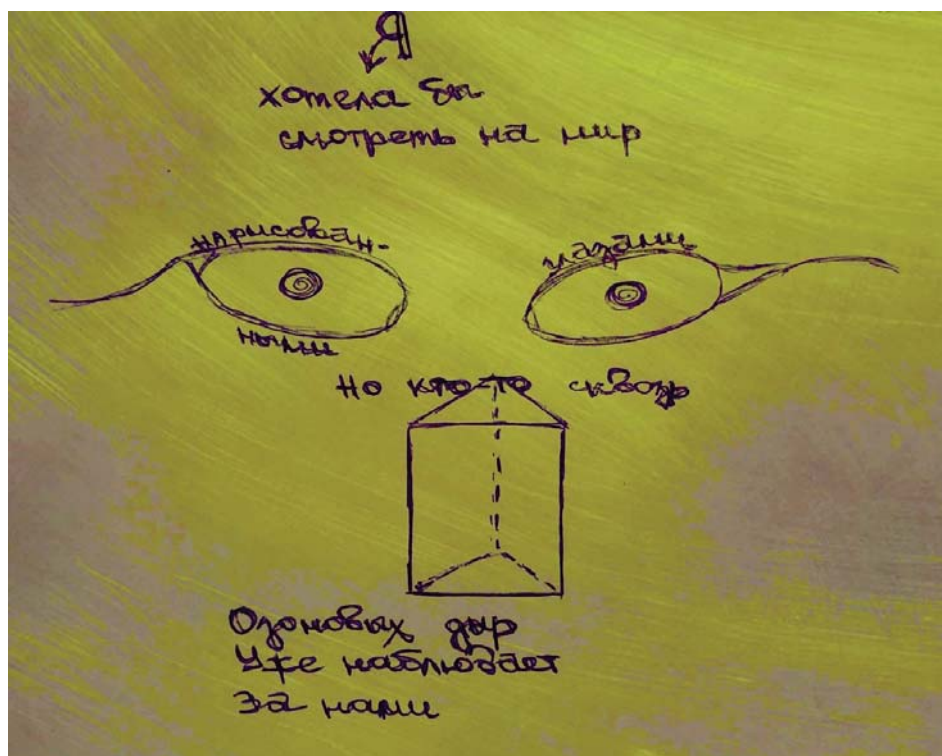
«понимать надо», и не ставит себе цели «танком в почки», разумеется, будет воспринят уже не как поэт (в современном понимании поэзии). А как «конструкция», «делатель», «искусственный». Это можно отнести к любому, у кого в тексте присутствует что-либо ещё, кроме «пронзительного чувства», — например, интеллект. Крайне сложно и читателю, и академическому критику предположить, что поэзия таких авторов-авангардистов может «рождаться», приходить в готовом виде, причём как содержательно, так и формально — на некоем «ином языке»: в ином ритме, стилистике, сложных рифмах, трудных образах, сдвигах сознания. Она живая — но жизнь ее отлична от привычной биологии живых организмов. Сходна она, может быть, с минералами — тоже своего рода «форма жизни»: кристаллы рождаются, растут, умирают — по своим, совершенно чётким кристаллохимическим законам; но, в то же время, каждый кристалл — неповторим! Так же и с каждым стихотворением поэта-новатора. Есть строгие законы — и (на выходе) уникальное явление.

В таком случае, каковы эти законы? Откуда это все берётся? Едва ли только от эрудиции, неких знаний истории, литературоведения, лингвистики, а у кого-то — физики, химии, высшей математики и т. п. Да, заглядывание в области своих непосредственных профессиональных и самообразовательных знаний у поэтов происходит, и происходит естественно. Но вот каков инструмент для этого погружения в знания — и извлечения образа?

Могу назвать этот инструмент «эпической силой». Эпическое мышление поэта-интеллектуала, поэта-авангардиста, поэта-новатора не подлежит сомнению. О результатах творчества таких поэтов нередко говорят, что «это вообще не поэзия, это рифмованная проза». И современными крымскими литературоведами для этого явления уже рождён новый термин — «проэзия» [13]. Предположим, что так и есть. Такие поэты (а авангардист для своего времени и Пушкин, и Цветаева для женской поэзии и новаторской поэзии в целом) склонны писать поэмы и даже романы в стихах. И это не только изложение сюжета — это поэтический, философский, интеллектуальный подход к нему, иной раз смещающий канонно-сюжетное восприятие настолько, что мир начинает восприниматься состоящим из множества параллельных реальностей: одно и то же событие происходило, причём одновременно, сразу в четырёх-пяти, порой и более версиях, поэтических интерпретаций. И все они — истинны, ибо кем-то «услышаны». Об истинности услышанного поэтом поговорим далее, здесь же закончим мысль об «эпической силе» в условиях современной литературы.

Сейчас условия таковы — чем стих короче, тем лучше. Люди не любят «многобукафф», чем, видимо, объясняется любимая современными критиками формулировка: «Неоправданное многословие». И как быть поэтам с эпическим мышлением в такой ситуации? Подсознательно, а то и сознательно

такой поэт стремится в малый по объёму текст вложить свою поэму. Поместить в него как можно больше смысла, сюжета, философии, интеллекта, эрудиции и т. п. Именно этим характерно творчество ряда крымских поэтов-философов [13], тяготеющих к эпическому типу творчества [1, 4, 9, 10, 14]. Такой поэт может как размахнуться до большой поэмы-эпоса (например, наша «Турозавриада — Крымский эпос») [11], а так же — уместать её в ставшие ныне классикой (с подачи литературного сайта «45 параллель») 45 строк — как самый приемлемый для восприятия современного читателя размер текста. Наиболее чётко этот стиль «краткопоэмности» сформирован у *Евгении Барановой*, ныне его разрабатывает *Елена Коро* (хотя ей свойственны и длинные поэтические циклы). Несколько объёмнее (а, по ощущениям, мощнее, масштабнее) — стихи *Ники Батхен* [1], *Валерия Гаевского*, *Златы Андроновой*, *Юлианы Орловой* [14], *Валерия Смирнова*. Несколько с более лирическим уклоном, но однозначно авангардно творчество *Юлии Котлер* [9], *Любови Василенко* [4], *Анфисы Третьяковой* и ряда других крымских поэтов. То же самое могу сказать и о своих стихотворениях. Всё это — не стихи. Поэмы. Не поэзия в полном смысле — эпос или миф нового формата, корнями прорастающий в мифы древние.

Анфиса Третьякова «Нарисованными глазами», визуальная поэзия (2018 г.)

Уже на рисунках людей древнейших цивилизаций мы можем видеть... символику строения Вселенной, астрономические карты Галактики. Была ли уже у древних мысль — или ещё только чувство, наитие (то, что называют

«прозрением», «пророчеством», «инсайтом») — сиречь поэзия! В понимании сущности бытия. Не будем упоминать здесь разнообразных Календарей Майя, описаний летательных аппаратов — виманов — в «Махабхарате» и чего-то, напоминающего ядерные взрывы, «тайн египетских пирамид» и тому подобных удивительных (а для кого-то — сомнительных) явлений. Вполне возможно, что это уже наше — цивилизованное, изошрённое сознание воспринимает древний мир по-своему, попросту переносит свою «переразвитость» на ранние эпохи, но именно в этом случае мы и можем говорить о — поэзии! И какой же, как не авангардной? И, при всей своей обращённости вглубь веков, по сути, абсолютно современной.

Критики XX века очень любили писать о мифологическом мышлении древних людей и цивилизаций. М. Горький утверждал: «Только гигантской силой коллектива возможно объяснить непревзойдённую и по сей день глубокую красоту мифа и эпоса, основанную на совершенной гармонии идеи с формой. Гармония эта, в свою очередь, вызвана к жизни целостностью коллективного мышления, в процессе коего внешняя форма была существенной частью эпической мысли, слово всегда являлось символом, речение возбуждало в фантазии народа ряд живых образов и представлений, в которые он облакал свои понятия» [5]. Нельзя полностью согласиться с тем, что лишь коллективное мышление (коллективное бессознательное, архетип, социальный стереотип) могли стать причиной появления и такой масштабной развитости мифа и эпоса в древности. И впоследствии — такой склонности к мифу и эпосу людей любых эпох: взять хотя бы появление в XX веке мифоэпосов «Властелин Колец», «Хроники Нарнии», «Звёздные войны» и т. п., и масштабной вовлечённости огромного числа людей в их «жизнь» — порою до пределов отождествления с нею. Однако в нынешнем мире миф овеществлён: он представлен книгой, фильмом, его актёрами — живыми людьми, с которыми можно соотнести себя, воспринимая их чем-то вроде «звёзд», «богов», «идеалов», а также всяческой символиккой, рекламой (тоже часть современной мифологии) и т. п.

А как же было в древности? Где тогдашние люди брали свои «идеалы» и своих «богов»? Предположение это может показаться антинаучным, но основывается оно именно на науке — литературоведении, истории литературы. Филологи знают, что в литературе сюжеты, полностью сочинённые автором, начали появляться приблизительно с XIII–XIV вв. — в Европе, а на Руси (в России) ещё позже — в середине XVIII столетия. (Можно упомянуть небольшое число сочинённых сюжетов в поздней античности — к примеру, «Дафнис и Хлоя» Лонга или «Золотой осёл» Апулея и других. Но такое творчество было быстро вытеснено христианской догмой о творчестве как посягательстве на Творца-бога, сиречь — кощунство. Впоследствии возрождение в культуре

происходило на библейских или античных мифологических сюжетах, а не на индивидуальном-авторских). Древнее сознание не было развитым настолько, чтобы «сочинять». Да, можно предположить, что ему это было и не нужно — жизнь, борьба за выживание и развитие, были слишком насыщены, чтобы было время предаваться сочинительству — занятию «для скучающих». До XIV века «писатели» были лишь хроникёрами, летописцами — ими изначально запоминались для пересказов и песен, позже — записывались, пусть нередко и в весьма художественном оформлении, исключительно реальные события, происходившие непосредственно с их современниками, либо пересказы-воспоминания хронистов-предшественников. Читая гомеровский «список кораблей», который расписан в мельчайших подробностях, с упоминанием даже участников Троянской войны, не играющих никакой роли в сюжете «Илиады», и подробностей их быта и обычаев, воспринимаешь его как абсолютную реальность — иной раз настолько натуралистичную, что даже «столько не нужно». И тут же, рядом — битва, на поле боя появляется богиня Афродита, пытающаяся защитить Энея от Диомеда, последний наносит ей рану копьём, рана самая настоящая, кровь (у богини!) — и это нужно уже почему-то воспринимать как «миф», «сочинённое». Смеею предположить, что и это тоже было реальностью, кем-то засвидетельствованной и отложившейся в памяти. То есть античные боги вовсе не являлись богами, выдуманными человеком, — такие существа из плоти и крови, пусть и с несколько отличной от нас физиологией, — действительно существовали. Другая раса? Более развитая, делившаяся с человеком своими знаниями и возможностями (украденный для людей огонь и т. п.). Ставшая для древнего человека «идеалом», «богом», «звездой» — неким совершенством, к которому стоит стремиться. Или остерегаться? Затем, по неизвестным причинам, исчезнувшая, впоследствии христианством объявленная «бесами», но... вполне возможно, что существующая среди нас до сих пор. Антинаучно? Нет — поэзия!

Интересно размышлять о подходах к поэзии, опираясь на лингвистическую и литературоведческую методологию и на мифологизацию объективной реальности, например, о том, что жизнь Зевса и Афины так же истинна, как и жизнь исторических личностей Тесея и Агамемнона, а приключения Одина и Тора столь же историчны, как подвиги Сигурда и Хельги. Да и существование драконов и иных чудовищ только в воображении древних людей можно подвергнуть сомнению. Человеку столь сложно придумать нечто, не существующее в реальности, не имевшее никаких предпосылок, что и ковёр-самолет, летающие дома, замки (см. виманы в «Махабхарате» и «Рамаяне» — летающие колесницы и даже дворцы) и т. п. можно полагать некогда реально существовавшим, кем-то и когда-то вполне опознанными объектами, позднее им уже «сочинёнными».

Или, вот, например, современная история с крымской энергоблокадой 2015 года. Мы — маленькие, но очень сильные люди, мужественно боремся со свалившимися на нас трудностями и верим (а кто-то злится), что придёт бог, титан, Прометей — и принесёт нам огонь. Он приходит и приносит, приводя в восторг верящих, попирая неверных и врагов. Объективная реальность. Как и у древних людей объективно существовал некто с бóльшими, нежели у них, возможностями. Кто вызывал веру и неверие, образовывал миф, но придумать его не могли.

Вообще современный мифопоэс (объективная реальность!) под названием «Крымская весна» просто поражает своей невероятной фольклорностью, которой он начал обрастать почти мгновенно — и особенно в поэзии. Можно делать определённые выводы по поводу «рождения мифа» и «рождения литературы» уже на основании его. Не хочется говорить в очередной раз о низком литературном уровне вылившегося на нас гигантского потока «актуального» и «пронзительного», — по степени даже не банальности, повторяемости, типичности, а скорее именно «архетипичности» все это действительно больше похоже на фольклор: припевки, припляски, гимны и молитвы. Обрядовое, одним словом, творчество. Имена новых «чисто крымских» богов хорошо известны. Авторская индивидуальность в таком творчестве — как и у «многогрешных» летописцев древности — не приветствуется, более того, слыёт наглостью. Поэт со своим лицом и своим взглядом на происходящее, а тем более тот, который пишет безотносительно к актуальному, «идёт шире и глубже» злободневного, становится «бесом». Однако речь здесь о том, что подобная фольклористика, актуальный «писк» — по аналогии с «писком моды» — поверхностен и преходящ. Это скорее питательная среда, субстрат для создания мифа и эпоса. Уверенны, что лучшие произведения о данном историческом факте будут написаны авторами «со своим голосом», — но именно тогда, когда он отдалится во времени и достаточно мифологизируется. Как, например, «Война и мир» написана представителем следующего за событиями 1805-го и 1812-го годов поколения. Впитав фольклорную субстанцию, достаточно вкусив её, произведения писателей нового времени становятся глубже, и именно этим — настоящими.

И это ещё раз доказывает мысль о причинах возникновения поэзии из реалий, а не «измышлений» поэта. Только из реальности намного более расширенной (в разной степени у каждого), чем обыденное, стереотипно-обрядовое сознание. «Эпическая сила» творческой личности не участвует в создании стереотипа, но выхватывает суть, которая в мутном потоке бесконечных повторов может восприниматься «страшной индивидуальностью».

Говорить о том, что «эпическая сила» в своей культурологической миссии призвана слышать и запоминать язык древности, древние языки,

язычество древних... и так далее... можно не просто долго — всегда. Однако это — явление современное, и появилось оно именно здесь и сейчас. Значит, всему этому есть серьёзные предпосылки. И серьёзная потребность именно нынешнего человека, именно современного общества в таких явлениях, как эпическая, авангардная, философская, метареалистическая [6], транфметафорическая [8], визуальная и т. п. поэзия. Ощущаю эпичность современной поэзии новаторством, неким вектором обновления общества, а не чем-то устаревающим, как может показаться на фоне того, что сейчас в принципе отживает своё книга, литературное произведение, стихотворение, слово — сама социальная их значимость. И, как ни печально, отживает сам интеллект. Он становится... не интересен? По реакции молодого поколения на мало-мальски сложную поэзию или статью чувствуется: сверхэлементарное этому мозгу не просто не по силам, а вызывает у него серьёзный страх. Так что же, современная авангардная поэзия — новоформатный Бабайка для детей? Что-то вроде Морока Мирмекия¹, затягивающего человека в его внутреннюю суть — до невозврата, — как героя одноимённого психоделического рассказа Елены Коро? Недаром ею создан этот образ — архетип всепоглощающей древности, одерживающей победу над ослабленным современным сознанием.

Ничего подобного. Авангардная, эпическая и лирико-эпическая поэзия вливает в крымскую культуру живые соки индивидуальности. На фоне полуграфоманского стэнд-ап-творчества нервной молодёжи издёрганых столиц и консервативного подхода к поэзии возрастных авторов из провинций, такое творчество выглядит сверхново — и одновременно основательно, как не просто литературное, но философское и даже социологическое направление, представителям которого есть что сказать. У них есть своё лекарство против социальной порчи. «Сложность», «конструированность», «новаторство» авангардной поэзии в самой малой мере является специальным процессом, производным для того, чтобы «удивить публику». Которая не желает удивляться, а желает бояться поэта, считать его ненормальным (тоже мифологичность мышления, но по типу «мракобесия») и кричать: «Я тебя не понимаю — это значит, ты плохой! Сгинь, сатана!».

Такая поэзия, повторюсь, интуитивна, глубинна, эпична, таковой она «рождается», «приходит» — нередко в уже полностью готовом виде, не нуждающемся даже в редактировании, и говорит лишь о том, что реальность (а не богатое воображение) автора несколько шире, чем у непонимающей его публики. И намного ближе к Истине, каковая отлична от правды. Впрочем, что ни поэт, то — система мироздания. Если конечно, это поэт, а не «фольклорист-

---

¹ Мирмекий — античный город, руины которого находятся на территории современной Керчи.

непонимаец», каковых, по вполне объективным причинам, в последнее время стало в литературе очень много.

Если начну говорить о практической ценности того, что создают современные авангардисты Крыма, рискую натолкнуться на удивление: «С чего это вдруг меня рассматривают с практической стороны? Что это за приземлённый взгляд на поэта?». Однако практика и приземлённость — понятия разные. Вот, к примеру, Александр Сергеевич Пушкин, когда путешествовал по Крыму и писал о нём свои возвышенные строки, думал ли о том, какую пользу приносит государству и народу? А ведь существует версия, что поездка молодого талантливый поэта в Крым была одобрена, если не санкционирована самим императором — для популяризации этих территорий, лишь каких-то полвека как ставших частью империи и ею ещё не обжитых. С информационными технологиями тогда было негусто, и поэтическое слово одарённого, харизматичного автора должно было повлиять на то, что в Крым ради его красот поедут люди — и, соответственно, хлынут экономические потоки. В то время влияние поэта на общество было огромным. Да и литературных журналов, где эти поэты публиковались, — издания были востребованы в самых широких кругах, это были не только культурные, духовно-интеллектуальные, но и политические и даже деловые центры, к которым стягивалось всё внимание тогдашнего общества. Думал ли молодой Пушкин, что решает судьбу территории, когда писал свои стихи о Крыме? Или он витал в облаках, мечтая лишь о прекрасных закатах, могучих скалах и печальных девах из ханского гарема? Думается, всё он совершенно чётко понимал. Так и случилось впоследствии: слово Пушкина и других деятелей эпохи, побывавших в Крыму, повлияло на развитие полуострова, на то, что туда устремились люди — и на постоянное место жительства, и на отдых и оздоровление, и... Крым обладает духовным притяжением — его полюбили философы и мистики. И, конечно же, благодаря писателям, поэтам, художникам, первыми познавшим восторг от чуда Крыма и отразившим его в искусстве, полуостров очень быстро стал культурным центром мирового масштаба. Кто только не побывал в Крыму! Едва ли не каждый квадратный метр этой земли может гордиться тем, что на него ступала нога гения. Ничуть не умаляя стратегического, геополитического и рекреационно-экономического значения Крыма, можно с полным правом утверждать, что главную ценность он представляет для мировой культуры. Это культурный магнит, воронка, если хотите, культурная ловушка, которая затягивает в себя и уже не выпускает никогда. Даже человек, прежде не имевший никакого отношения к искусству, побывав в Крыму, может начать творить. И хотя это свойственно далеко не всем, так как современный «чел» очерствел и сделался чересчур витальным, особенно в кризисные моменты, но иной раз даже таких «пробивает». Что же

говорить тогда о тех, кто имеет живую душу, способную восчувствовать: «Это прекрасно!», живой ум, способный воскликнуть: «Это интересно! Хочу знать». И, конечно, дух живой, способный не только чувствовать и мыслить, но быть.

Крым не существует только сам в себе — он существует в мире, и всему миру он говорит о себе, и очень громко. Другое дело, что он говорит и каким языком? Языком территориальных распрей? Языком пляжей и модных купальников? Или языком трансцендентного слияния с морем, ветром, солнцем — языком творчества?

Возрождение Крыма как центра мировой культуры происходит, в том числе, и благодаря таким людям, как современные крымские поэты авангардной, философской, эпической направленности. Крым снова учится говорить на своём языке. И он уже не лепечущий младенец, а сильная, мудрая, раскрытая всеми чакрами, сознанием и сверхсознанием индивидуальность. Одновременно древняя и юная, как только что возродившийся из пепла Феникс. И, в первую очередь, индивидуальность — творческая.

Литература

1. Батхен, Ника. Путиами птиц: поэзия. М.: Издатель Воробьев А. В., 2011. 120 с.
2. Блехман, Михаил. Мысли о литературе: постмодернизм // Порт-Фолио. 2013. № 4.
3. Бубнов, Александр. Буквология — от игры к философии: лекция [Электронный ресурс] // Арт-фестиваль «Провинция у моря — 2013». URL: <http://www.youtube.com/watch?v=YBTiXGUZiZo>
4. Василенко, Любовь. Стихи // Что есть Истина. 2013. № 36.
5. Горький, Максим. Разрушение личности // Горький, М. Собрание сочинений: 30 т. Т. 24: Статьи, речи, приветствия 1907–1928. М., Гослитиздат, 1953. 520 с.
6. Кедров, Константин. Энциклопедия метаметафоры. М.: ДООС, 2000. 216 с.
7. Кобзев, Николай. Крымская поэзия «новой волны» // Чёрное море. 2003. № 2. С. 158–176.
8. Коро, Елена. Фаэтослов часов; Фаэтика символов; Фаэтика — азбука точек (Эссе о фаэзии) // Фанданго: альманах фантастики (Симферополь). — ТО КаФКа. 2011. № 12. С. 209–214.
9. Котлер, Юлия. Стихи // Что есть Истина. 2013. № 36.
10. Матвеева, Марина. ТРАНС[крым]ЦИЯ: поэзия, проза. Симферополь: Диайпи, 2013. 76 с.
11. Матвеева, Марина, Лобжанидзе, Тимур. Турозавриада — Крымский эпос: Прозо-поэтическая фэнтези-феерия. Монреаль: Altaspega, 2014. 200 с.
12. Мельников, Вилли. Семь холмов и сорок крепостей: Избранное. М., 2012. 28 с.
13. Сладковская, Лика. Есть у бесконечности начало. Нет у бесконечности конца: рецензия // Контрабанда. 2016. № 7.
14. Фаэт-Крым: Карта странствий: Антология фаэзии. Том 1. Фаэты. Севастополь: Шико-Севастополь, 2016. 108 с.

~